

— Шэньского старшего, твоего младшего брата у ворот унесла баба-зубоскалка! — едва услышав этот крик, черноволосый мужчина, подрабатывавший на кухне в трактире, выскочил наружу, прихрамывая и сжимая в руке скалку.

— Видел, в какую сторону она подалась? — старик, сидевший у входа с курительной трубкой, указал на восток.

Мужчина бросился туда, не разбирая дороги. Даже когда он споткнулся о камень и расшиб лицо в кровь, он не посмел остановиться.

— Эран! Эран! — заметив вдалеке старуху в платке и мешковине, державшую на руках ребенка, он прибавил шагу, размахивая скалкой и выкрикивая имя брата.

Старуха от боли вскрикнула, рука ее дрогнула, и ребенок камнем полетел на землю. Дорога в этом месте шла под уклон, и малыш неминуемо должен был покатиться вниз. Мужчина из последних сил бросился вперед.

В одно мгновение и мужчина, и ребенок исчезли, и даже звука падения под склоном не раздалось. Баба-зубоскалка, прикрыв рот рукой, испуганно заглянула вниз — на грязной земле было пусто. Охваченная холодным потом, она поспешила скрыться в другой стороне.

В то же самое время Шэнь Жань с ребенком на руках возник перед покосившейся дощатой дверью. Осторожно толкнув ее, он вошел внутрь. В темной хижине из кирпича-сырца стояли лишь стол, чан с водой да кровать. Это и был дом семьи Шэнь: родители скончались, оставив шестнадцатилетнего юношу и пятилетнего ребенка выживать вдвоем.

Уложив малыша на кровать, Шэнь Жань напоил его водой из чана. Глядя на покрасневшее лицо ребенка и испарину, он сложил пальцы в мудру, активируя Технику невидимости, и вышел наружу. Вернулся он уже с двумя свертками лечебных трав и масляной бумагой, в которую были завернуты лепешки.

Ребенок в полубреду проглотил отвар и снова провалился в тяжелый сон. Шэнь Жань знал: когда тот проснется, в теле уже будет жить другая душа. Вместо Шэнь Чэня, второго сына семьи Шэнь начала эпохи Китайской Республики, в нем поселится Сюй Цзычэнь, студент филологического факультета из двадцать первого века.

Согласно Нефритовой книге, очнувшись, Сюй Цзычэнь обнаружил, что тело его болезненно и худощаво. Высокая температура свидетельствовала о сильном жаре, а хромым старшим брат вместо нормальных лекарств поил его «святой водой», выпрошенной у храмовой знахарки. Когда он отказывался пить, брат обзывал его нахлебником, который вместо того, чтобы сидеть дома, вечно ищет неприятностей в трактире. Из-за этого Сюй Цзычэнь считал своего «старшего брата» невежественным и глупым, а видя его черную кожу, хромоту и обезображенное лицо, и вовсе презирал его.

Желая вырваться из нищеты, Сюй Цзычэнь потребовал купить ему бумагу и ручку — он решил писать статьи, чтобы заработать гонорары. Когда он достаточно окреп, чтобы встать с постели, брат неохотно принес несколько листов бумаги и кривую стальную ручку. Сюй Цзычэнь лишь утвердился в мысли, что брат — мелочный скряга, и возненавидел его еще сильнее.

Первые его статьи остались без ответа, и брат не упускал случая съязвить, советуя сидеть смирно и не брать пример с их отца-ученого, который кроме красивых слов ничего не умел и в поле был бесполезен.

Сюй Цзычэнь, гордый и самонадеянный, решил, что брат — непроходимый глупец, и перестал обращать на него внимание. Он начал ходить в чайные слушать рассказчиков и узнал, что на дворе первый год Китайской Республики. Сюй Цзычэнь понимал, что период с первого года Республики по 1917 год — расцвет литературы «пары уток-мандаринок», где правили бал истории о талантливых ученых и красавицах, поэтому его собственные фантастические романы успеха не имели.

Будучи в своем времени сетевым автором, писавшим в жанре прокачки, он решил сменить тактику и заняться плагиатом классики. Долго думая, он остановился на романе Чжан Хэньшуй «Семейство Цзинь». Сюжет врезался ему в память благодаря экранизации, где холодная и гордая Лэн Цинцю казалась воплощением чистоты, а трагическая любовь между седьмым молодым господином Цзинь Яньси и бедной девушкой заставляла его в юности проливать слезы.

Благодаря отличной памяти плагиат прошел как по маслу — он перенес в свою версию сотню персонажей семьи Цзинь, не упустив ни одного. Успех был оглушительным: когда «Семейство Цзинь» начали печатать в газете «Миньцюань», это произвело фурор, а позднее вышло миллионным тиражом.

Заработав кучу денег, Сюй Цзычэнь попросил редактора забрать его в Бэйпин. Шэнь Жань ни в какую не хотел отпускать его, даже выгнал редактора из дома. В ярости Сюй Цзычэнь оставил брату деньги, разорвал с ним родственные узы и, забрав рукописи, уехал. В Бэйпине он продолжил красть сюжеты, став признанным мастером светского любовного романа.

В то время он познакомился с писателем Шэнь Мэнханем, с которым вел романтическую переписку. Думая, что общается с девушкой, Сюй Цзычэнь, которому не было и десяти лет, с упоением предавался этому «бумажному» роману. Позже, когда разразилась эпоха бесконечных войн между милитаристами, пятнадцатилетний Сюй Цзычэнь, ставший статным юношей, наконец встретился с Шэнь Мэнханем и с удивлением обнаружил, что тот — мужчина. Впрочем, чувства оказались настоящими, и он смирился со своей ориентацией. Шэнь Мэнхань оказался сыном влиятельного генерала, и под его защитой Сюй Цзычэнь мог спокойно продолжать свою литературную карьеру.

Когда в моду вошли боевые искусства, Сюй Цзычэнь принялся за «заимствования» у классиков жанра — Цзинь Юна, Гу Луна и Лян Юйшэна. «Книга и меч», «Легенда о героях, стреляющих в орлов» — одно произведение за другим приносили ему славу. Он завел дружбу с известным иллюстратором Фэн Цисюанем, главой торговой палаты Лю Итао и Чжань Минхао, с которыми

вместе играл в театре.

За десять лет до начала войны 1937 года девятнадцатилетний Сюй Цзычэнь вместе с Шэнь Мэнханем на пароходе отправился за океан. В Америке он продолжал блистать, переписывая классику, и стал первым китайским писателем, получившим там признание. Спустя десять лет он так и не вернулся на родину, хотя и помогал стране деньгами и статьями. Поженившись в Америке, они усыновили детей и прожили долгую счастливую жизнь. Лишь после начала политики реформ и открытости Сюй Цзычэнь, будучи семидесятидевятилетним старцем, вернулся в Китай. К тому времени он уже стал легендой литературы.

Что же до его родного брата Шэнь Жаня, то тот погиб под колесами экипажа еще по пути в Бэйпин.

Шэнь Жань захлопнул Нефритовую книгу, одним движением стер следы с пола и, сев по-турецки, начал циркулировать Истинную Ци.

Надо же, Шэнь Жань оказался самым никчемным персонажем из всех миров, в которых ему доводилось бывать. Но теперь, когда он не тот хромой Шэнь Жань, он точно не допустит такой жалкой кончины. Однако он был совсем не похож на того Шэнь Жаня из книги, так что придется поскорее сменить место жительства.

Открыв глаза, он взглянул на спящего Сюй Цзычэня. В глазах Шэнь Жаня застыл холод, а губы тронула едва заметная усмешка.

Впереди еще целая жизнь.

<http://bllate.org/book/18590/1790474>